

A man and a woman are shown in a close embrace, looking at each other. The man is on the left, wearing a dark blue jacket, and the woman is on the right, wearing a red textured sweater. They are in a crowd, with other people blurred in the background. The text is overlaid on the image.

Когда приходит чужой

Илья Хан

18+

Илья Хан

Когда приходит чужой

«Автор»

2026

Хан И.

Когда приходит чужой / И. Хан — «Автор», 2026

Она встречает людей, потерявших всё. Он — тот, кто потерял даже своё имя. В пункте временного размещения, среди хаоса и чужой боли, София вдруг замечает его — слишком спокойного, слишком собранного для человека, бежавшего из ада. Между ними вспыхивает чувство, сильнее страха и громче войны. Но у него есть тайна. Тайна, которая может стоить ей жизни. История о том, можно ли любить врага, когда весь мир разделён на «своих» и «чужих». И что выбрать, когда предать придётся либо Родину, либо сердце?

Содержание

Глава 1. Пункт временного размещения	5
Глава 2. Заботливый друг	14
Глава 3. Случайная встреча	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Илья Хан

Когда приходит чужой

Глава 1. Пункт временного размещения

Говорят, у каждого человека есть своя цена. Кто-то продаётся за деньги, кто-то за власть, кто-то за минуту славы. Но есть вещи, которые невозможно купить ни за какие сокровища мира и есть потери, которые невозможно восполнить. Война приходит не тогда, когда её ждёшь, она врывается в жизнь без стука, оставляя после себя выжженную землю и пепел там, где ещё вчера цвели сады. Но даже война иногда не на первом месте, потому что настоящее чудо случается внутри. Когда среди руин вдруг встречаешь взгляд, от которого замирает сердце. Когда понимаешь, что готов сгореть дотла, лишь бы согреть того, кто рядом. Когда осколки разбитых жизней пытаются сложиться в одно целое.

Запах казенной дешевизны въедался в одежду и, казалось, в самую кожу. София давно уже перестала его замечать, как перестают замечать шум поездов люди, живущие у железной дороги. Смесь хлорки, переваренной капусты, сырой одежды и пота стала для нее привычным, таким же естественным, как утренний кофе. Она поправила сползающий с плеча вязаный кардиган, единственную вещь здесь, которая принадлежала лично ей, а не была выдана к должности, и в сотый раз за день улыбнулась стандартной дежурной улыбкой.

– Бабушка, я понимаю, что вы устали. Но нам нужно заполнить этот бланк. Да, я знаю, что вы уже рассказывали. Я запомню, обещаю. Просто бумага требует, чтобы я все точно записала.

Старушка, напротив, уставшая, высохшая, с отчаянием смотрела на неё так, будто София требовала расшифровать клинопись на глиняных табличках. Пальцы старушки сжимали авоську с тремя банками тушенки.

– Дочка, а где тут у вас отдохнуть? – Старушка оглушительно чихнула в платок. – Нам бы переждать чуток, пока не утихнет. Не знаешь, скоро утихнет-то?

София перестала воспринимать этот вопрос недели через две после начала работы тут. Тогда она еще пыталась отвечать честно: «не знаю», «надеюсь, что скоро», «надо верить и надеетсяя». Теперь она просто кивала и мягко возвращала людей обратно к анкете.

– Скоро, бабушка, скоро. Давайте паспорт.

София вбивала данные в компьютер, краем глаза наблюдая за очередью. Очередь колыхалась, как живое существо. Люди приехали час назад. Два автобуса с обшарпанными боками, в каких обычно возят заключенных, стояли во дворе, выпуская все новых и новых людей. Детей волокли за руки, стариков поддерживали под локти. Вокруг сумки, баулы, рюкзаки. София уже научилась определять по багажу, откуда человек и сколько он шел до безопасного места. Чем меньше вещей, тем страшнее был путь. У этих вещей было мало. Она перевела взгляд на монитор, но строчки плыли. Восьмой час работы без перерыва. В горле першило от постоянного диалога, в висках стучала тупая боль, знакомая каждому, кто хоть раз пытался быть вежливым, когда внутри уже все кричит от усталости.

– Бабушка, распишитесь вот здесь.

Бабушка вывела корявую загогулину, забрала паспорт, сунула его в авоську и побрела к выходу в коридор, где волонтеры раздавали чай и бутерброды. Следующим был мужчина с девочкой лет пяти. Девочка не плакала, просто смотрела огромными глазами и теребила косичку. Мужчина трясущимися руками протягивал документы. София вздохнула, поправила очки, она носила их, чтобы легче переносить работу за компьютером, но от них у нее на носу всегда оставалась тонкая красная полоска. И снова включила режим профессионального спокойствия.

– Здравствуйте, присаживайтесь, как вас зовут?

Волонтерский пункт разместили в здании бывшего Дома культуры. До войны здесь крутили кино, играли свадьбы, водили хороводы вокруг елки на Новый год. Теперь в фойе стояли раскладушки в три ряда, в зрительном зале складировали гуманитарку, а на сцене, где когда-то выступали местные таланты, оборудовали медпункт. Гримерки превратили в комнаты для особых случаев, для матерей с младенцами, для тяжелобольных, для тех, кому нужна была хоть капля одиночества.

София была из тех женщин, которых трудно было запомнить сразу. Ее внешность не бросалась в глаза, не кричала о себе с первого взгляда, в ней не было той яркой, вызывающей красоты, которая заставляет оборачиваться на улице. Её красота была другой, открывающейся не сразу, как старая фотография, которую рассматриваешь подолгу, находя всё новые детали. Волосы тёмные, густые, с лёгким каштановым отливом, который становился заметен только на солнце или при свете лампы. Обычно она собирала их в небрежный пучок на затылке, так было удобнее на работе, в бесконечной суете пункта временного размещения, где она занималась регистрацией прибывающих беженцев и переселенцев. Иногда, когда она распускала свои волосы и те падали на плечи тяжёлой волной, закрывая спину почти до пояса. Лицо у неё было бледным, кожа, которая никогда не загорала, а только покрывалась веснушками на носу и скулах, если она проводила на солнце больше часа. Веснушки эти были едва заметными, золотистыми, и появлялись только в конце весны, чтобы к середине лета исчезнуть. Большие, миндалевидные глаза, цвета тёмного шоколада с золотистыми крапинками, которые вспыхивали, когда она смотрела на свет или улыбалась. В обычное время в них читалась усталость человека, который слишком много видел и слишком много пропустил через себя. Но когда она смотрела на то, что любила, глаза её загорались таким теплом, что, казалось, можно согреть руки. Ресницы длинные, чуть загнутые кверху делали её взгляд особенно выразительным, почти гипнотическим. Губы были полными, с естественной чувственностью, которая не нуждается в подчёркивании. Она редко пользовалась помадой, только бальзамом, от которого губы блестели, делая её лицо ещё более юным, почти девичьим. Но в моменты волнения она кусала их, и тогда они становились алыми, припухшими, выдавая внутреннее напряжение. Фигура у Софии была тонкой, с узкой талией и чуть широковатыми, как она сама считала, бёдрами. Она иногда сутулилась, когда уставала, а уставала она постоянно, и тогда казалась маленькой, почти беззащитной. Но стоило ей выпрямиться, расправить плечи, как в ней появлялась стать, которая бывает у женщин, привыкших нести ответственность не только за себя. Руки у неё были красивыми, с длинными пальцами, тонкими запястьями, аккуратными овальными ногтями без лака. София часто теребила край кардигана, когда нервничала, или проводила пальцами по волосам, задумавшись. В этом году ей исполнилось тридцать девять, но казалось, что девичий максимализм и романтичность навсегда поселились в её сердце – и останутся с ней на долгие годы.

София работала в бывшем буфете. За стеклянной перегородкой, где раньше продавали пирожки, теперь стоял ее стол, компьютер и стопки анкет. Иногда ей казалось, что она сидит в аквариуме. Люди подходят, смотрят, тычут пальцами, просят. А она плавает среди бумаг и пытается не сойти с ума.

– София, перерыв, – крикнула ее единственная подруга и коллега по работе по имени Наташа, пробегая мимо с охапкой одеял. – Я тебя сменю иди хоть поешь.

– Сейчас, – отмахнулась София, хотя живот уже давно скрутило от голода.

Она зарегистрировала мужчину с девочкой, отправила их получать направление в комнату, и только тогда позволила себе откинуться на спинку стула. Глаза закрылись сами собой. На секунду, всего на секунду, она позволила себе провалиться в темноту. Мысли путались. В последнее время она вообще плохо соображала. График был сумасшедший, три дня через один, но в эти три дня она практически жила здесь. Домой ездила только поспать, загрузить стиральную машину, одеться в чистое и возвращаться, чтобы идти в новый бой. Мама звонила

и плакала: «Соня, ты себя угробишь. Ну зачем тебе это? У тебя же диплом психолога, ты могла бы в частной практике сидеть, чай пить с клиентами за три тысячи в час. Выйти замуж родить детей. Вон за Руслана например, видный красивый мужик». София не могла объяснить. Как объяснить, что после первых двух недель работы здесь она поняла, что чай с клиентами за три тысячи в час – это больше не ее жизнь. Что она видит глаза людей, потерявших всё, и пытается хотя бы бумажкой, хотя бы добрым словом вернуть им иллюзию порядка – единственное, что сейчас имеет смысл. Она не была героиней из книжного романа, но и не могла иначе.

– София, – Наташа возникла в дверях с видом человека, который наконец нашел пропавшую кошку. Ты чего спишь что ли, на обед же хотела сходит. Там автобусы прибыли, еще два, тяжелый рейс говорят, из Мариуполя. Много стариков и детей. Надо выходить встречать.

София кивнула, сделала глоток остывшего чая из пластикового стаканчика и поплелась на улицу.

Во дворе уже началась привычная суета. Волонтеры в жилетках с логотипом фонда сновали между автобусами, помогая спускаться по шатким ступенькам. Кто-то плакал, кто-то громко выяснял отношения, кто-то просто стоял столбом, глядя в одну точку.

В мире, сошедшем с ума, у Софии осталась одна странная, почти неприличная привычка, она любила встречать глазами чужие судьбы. Те несколько секунд, пока человек спускается по ступенькам автобуса, были для неё как короткий фильм о жизни, которую он только что оставил позади. Парни вылетали наружу злые, колючие, сжатые в пружины – в них ещё гудела нерастратенная злость на то, что мир перевернулся, и они искали, о кого можно разрядить эту горечь. Женщины с детьми ступали осторожно, устало, но в каждом их движении чувствовалась стальная нить, потому что у них нет права на слабость, их сердца бьются не для себя, а для тех маленьких, кто держится за их руки. Старики выходили потерянными, тихими, покорными.

София смотрела и смотрела, пропуская через себя чужую боль, пока вдруг что-то не заставило её замереть. Сердце забилося где-то в горле. Из второго автобуса выходил он. Сначала она не поняла, почему её взгляд прилип к этому человеку, как будто она ждала его всю жизнь. Обычная куртка цвета тёмного неба. Джинсы, выцветшие на коленях. Ботинки, знавшие не одну дорогу. Рюкзак за плечами небольшой, аккуратный, словно он всё лишнее оставил там, где осталась война. Средний рост. Обычная внешность. Ничего особенного. Но внутри Софии что-то дрогнуло, сладко и тревожно. Другие вываливались из автобуса цепляясь друг за друга, боясь потеряться в этой серой, равнодушной толпе. А он двигался иначе, плавно, спокойно, собранно. Как будто внутри у него был стержень, который не сломать никакой беде.

Он оглянулся назад, и это движение было таким естественным, таким человеческим вокруг равнодушия и поддал руку для женщины с ребёнком. Но в этой суете, в этом море растерянных, уставших, сломленных людей этот жест показался Софии почти чудом. Как глоток свежего воздуха в душном подвале. Потом он шагнул на землю и на секунду замер. Просто остановился и окинул взглядом двор. А потом их взгляды встретились.

София смотрела в глаза людям каждый день. Десятки, сотни глаз усталых, пустых, злых, испуганных, раздавленных горем. Она привыкла видеть в них бездну. Но в этих глазах бездны не было, в них было небо. У Софии перехватило дыхание. Сердце забилося быстро-быстро, как птица, попавшая в силки. Щёки вспыхнули, хотя на улице было холодно. И когда он, на секунду задержав на ней взгляд, пошёл дальше, София вдруг поняла одну страшную и прекрасную вещь. Война войной, беда бедой, но жизнь всё равно берёт своё. И даже в аду, даже в конце света, даже когда кажется, что всё рухнуло, судьба может просто так взять и подбросить тебе встречу Обычную, случайную, ничего не значащую или значащую всё.

– София, иди сюда, – закричала координатор Лена, размахивая списком. – Забирай группу, опрашивай первых. Работаем, девочки, работаем.

София тряхнула головой, выныривая из странного транса, и направилась к автобусам. Но краем глаза она все еще видела его, как он медленно идет к зданию, не толкаясь, не сует-

тась, просто держась чуть в стороне от основного потока. А внутри пункта хаос уже нарастал. Новые люди заполнили коридоры, волонтеры металась между ними с температурными листами и талонами на питание. Дети плакали, взрослые пытались пробиться к информации, старики безнадежно оседали на лавки.

София включила режим «робот».

– Сядьте, пожалуйста. Ваши документы. Откуда вы? Сколько человек в семье? Есть ли хронические заболевания? Нужна ли особая помощь?

Она заполняла анкеты одну за другой, почти не глядя на лица. Личные данные, прописка, состав семьи, контактный телефон родственников в России. Вопросы, которые она задавала уже тысячу раз.

Люди менялись, слова оставались теми же. Горе было разным, но описывалось одинаково сухими строчками анкет.

– У меня мать в Донецке осталась, не могу дозвониться...

– Мы три дня в подвале сидели, без воды, без еды...

– Скажите, а когда обратно можно будет? Скоро закончится?

– Сын на фронте, с позапрошлого месяца ни слуху, ни духу...

София кивала, записывала, успокаивала, направляла дальше. Руки двигались автоматически, голос звучал ровно. Только внутри медленно закипала усталость, та самая, которая не проходит даже после сна, которая въедается в кости и делает серым все вокруг. Через час она заметила его снова. Он стоял в очереди к соседнему столику, где работала пожилая женщина-волонтер, едва справлявшаяся с наплывом. Очередь была длинной, нервной, люди переругивались, кто-то пытался пролезть без очереди. Мужчина в темно-синей куртке стоял спокойно, не толкался, не злился, а просто ждал. И опять это странное ощущение, он здесь, но как будто не совсем. Наблюдает, оценивает, держит дистанцию.

София поймала себя на том, что рассматривает его слишком долго. Широкие плечи, узкие бедра, фигура, которая бывает у людей, привыкших к физическому труду и опасности. Он двигался плавно, без лишних движений, с грацией, которая выдает в человеке либо спортсмена, либо военного. Лицо его было смуглым, будто обветренным, с резкими, четкими линиями. Высокий лоб, прямая линия носа с легкой горбинкой, след старого перелома или просто особенность породы. Скулы острые, выдающиеся, придающие лицу выражение хищной красоты. Челюсть тяжёлая, волевая, с легкой небритостью, которая делала его старше и мужественнее. Глаза были серыми, такими, что называют "цвета асфальта". Ресницы были темными, длинными, на удивление длинными для мужчины, и это смягчало его резкие черты, придавало лицу выражение почти юношеской ранимости. Губы тонковатые, плотно сжатые. Волосы были темными, густыми, с легкой волной, они падали на лоб, и он откидывал их резким движением головы. В них рано начала пробиваться седина – на висках, надо лбом. В его облике было что-то неуловимо чужое, не национальность, не происхождение, а внутренняя отрешённость, которая бывает у людей, прошедших через испытания, оставшихся в живых там, где выжить было невозможно. Он смотрел на мир немного со стороны, немного сверху, и в этом взгляде не было высокомерия, только знание того, что большинство вещей, которые кажутся людям важными, на самом деле не стоят ничего.

Он повернул голову и их взгляды встретились. София обычно не смущалась, когда на нее смотрели. За месяцы работы она привыкла к разным взглядам: злым, просящим, равнодушным, иногда нагловатым. Но этот взгляд был другим, просто внимательным. Как будто он действительно видел ее, а не очередную волонтершу в вязаном кардигане. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок, будто она уже видела его раньше, хотя точно знала, что нет. Мужчина чуть наклонил голову, будто спрашивая: «Что?».

София смутилась, быстро отвела взгляд и уткнулась в бумаги. Сердце билось быстрее обычного. «С ума сошла, – сказала она себе. – Нашла время и место. У тебя работа».

– Девушка! Девушка, вы меня слышите? – перед ней стояла полная женщина с двумя мальчишками, державшимися за ее юбку. – Я говорю, а куда нам с вещами? У меня дети устали, им поесть надо.

София моргнула, прогоняя наваждение.

– Извините, задумалась, сейчас все расскажу.

Она взяла себя в руки и продолжила работу. Но где-то на периферии сознания осталось ощущение чужого взгляда, легкого, как прикосновение, и такого же неожиданного.

Час спустя София наконец добралась до кулера с водой. В горле пересохло так, что язык прилипал к нёбу. Она жадно пила из бумажного стаканчика, когда Лена снова возникла рядом.

– Слушай, там мужчина один, красивый, но мутный как-то. Сказал, что у него нет документов. Потерял, говорит, поможешь?

– Где он? – вздохнула София.

– В третьем кабинете сидит. Я его отдельно посадила, чтобы не нервировать остальных.

Третьим кабинетом называли бывшую гримерку для артистов местной самодеятельности. Там еще сохранилось большое зеркало с лампочками по краям, похожее на театральный гримерный столик. Лампочки давно перегорели, но зеркало осталось, и каждый, кто сидел напротив него, невольно рассматривал себя в мутноватом стекле. София толкнула дверь и замерла на пороге. За столом, лицом к зеркалу, сидел тот самый мужчина в синей куртке. При ее появлении он поднял голову, и их взгляды снова встретились. На этот раз она не отвела глаз.

– Здравствуйте, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Меня зовут София, мне сказали, у вас проблемы с документами?

– Здравствуйте, – ответил он. Голос оказался низким, чуть хрипловатым, но очень спокойным. – Да, документы потерял, в дороге, наверное, или еще раньше, суматоха была.

– Понятно. Можно ваше имя?

– Сергей.

Она села напротив, положив перед собой чистый бланк. От мужчины пахло потом и дорожной пылью.

– Сергей, а фамилия?

– Васильев. – Он произнес это без запинки, но Софии показалось, что фамилия далась ему чуть труднее, чем имя.

– Откуда вы?

– Мариуполь.

Мариуполь, этот город, теперь звучал как приговор, особенно после того, как половина этого несчастного города спалила как-то диверсионная группа. София кивнула, она знала, что оттуда приезжали по-разному, у некоторых только легкие чемоданы, а другие даже без документов, а некоторые и без желание жить.

– Сергей, я понимаю, что вам тяжело, у Вас сейчас может быть стресс и страх, но нам нужно восстановить данные. Год рождения?

– Восемьдесят девятый.

– Кем работали?

Он замялся на долю секунды, и София это заметила.

– Водителем-дальнобойщиком.

– Понятно. Есть ли у вас близкие родственники в России? Те, кто мог бы подтвердить личность?

– Нет, я один.

– Совсем один?

– Совсем.

Он смотрел ей прямо в глаза. София заполняла анкету, задавала стандартные вопросы, но чувствовала, что разговор идет не так, как обычно. Обычно люди или плакали, или зли-

лись, или рассказывали слишком много, захлебываясь словами. Этот мужчина отвечал четко, коротко, без лишних эмоций, как на допросе, только спокойном допросе. Она отогнала эту мысль.

– Сергей, а как вы выбрались? – спросила она, откладывая ручку. – Если не хотите, можете не отвечать, иногда людям тяжело вспоминать...

– Нормально, – перебил он. – Выбрался через гуманитарный коридор, когда какие-то психи спалили пункт размещения в Калиновке, недалеко от Мариуполя. Потом шел долго, потом автобусы, поезда, теперь вот добрался до вас.

Он говорил правду, но София чувствовала, что не всю. Было в его рассказе что-то недосказанное, какая-то тень. Но она сейчас не имела права давить. Ее задача зарегистрировать, помочь, направить. А не выяснять, что скрывают эти серые глаза с темными крапинками.

– Хорошо, – она вздохнула. – Я запишу вас как временно не идентифицированного. Это не страшно, многие теряют документы. Мы отправим запросы, проверим по базам. Пока вы будете здесь у нас. С питанием и жильем поможем. Если что-то вспомните или найдутся родственники, скажете.

– Спасибо, – кивнул он. Просто спасибо, без лишних слов благодарности и слез умиления, как у многих.

София подвинула ему бланк с анкетой.

– Поставьте подпись внизу.

Он взял ручку. Рука была твердой, пальцы длинные, с чистыми, ухоженными ногтями. София машинально отметила: у водителей-дальнобойщиков обычно руки другие. Мозолистые, с вьёвшимся маслом, с обломанными ногтями. А у этого чистые как у пианиста. Она не успела додумать свою мысль. Сергей поставил подпись и поднял на нее глаза. И вдруг улыбнулся, чуть-чуть, одними уголками губ.

– Вы, наверное, очень устали, – сказал он. – Давно не спали?

София опешила от неожиданности. Клиенты обычно не спрашивали про ее состояние. Им было не до того.

– Все нормально, – ответила она сухо. – Это моя работа.

– Я понимаю. – Он смотрел на нее все так же спокойно, – Просто у вас глаза очень уставшие. И тени под ними, вы бы хоть иногда отдыхали.

– Спасибо за заботу, – отрезала она, чувствуя, как внутри поднимается раздражение. Кто он такой, чтобы делать ей замечания? – Но я справлюсь, вот ваше направление в комнату, вещи можете оставить в камере хранения, она на первом этаже. Ужин с шести до семи. Если будут вопросы, подойдите к администратору.

Она протянула ему бумажку. Сергей взял ее, кивнул и встал. У двери он обернулся.

– Спасибо, София. – Он произнес ее имя как-то по-особенному, с теплотой. – Вы мне очень помогли.

И вышел. София осталась сидеть в пустой примерке, глядя в захлопнувшуюся дверь. Почему-то внутри у нее все дрожало. То ли от усталости, то ли от странного разговора, то ли от его взгляда, который, казалось, видел ее насквозь.

– Вот я странная, — подумала София — Не хватало еще служебный роман завести.

Она встряхнулась, собрала бумаги и вышла в коридор. Рабочий день еще не закончился, впереди была смена, новые люди, новые анкеты, новые истории. Некогда было думать о чувствах и эмоциях. Но перед глазами стояла его улыбка. Легкая, спокойная, чуть грустная. И слова: «Вы очень устали». Никто из приезжих так с ней не говорил. Никто не замечал теней под глазами. А этот заметил. Этот, который не помнит, где потерял документы, который называет себя дальнобойщиком с руками пианиста, который смотрит так, будто видит насквозь.

– София! – закричала Лена откуда-то из конца коридора. – Ты где? Там женщине плохо, нужна помощь.

София сорвалась с места и побежала, мысленно благодаря Лену за то, что та выдернула ее из липкой паутины странных мыслей. Работа, лучшее лекарство от глупостей. Работа не даст свихнуться, работа заполнит пустоту.

Ночью ей не спалось. Койка в комнате для волонтеров была жесткой, одеяло колючим, подушка плоской. София ворочалась с боку на бок, слушала, как похрапывает Наташа на соседней кровати, и смотрела в потолок, где трещина тянулась от угла до угла, похожая на карту неизвестной реки. Мысли возвращались к одному и тому же.

Вот что в нем было такого? Красивый? Да, наверное, красивый, но здесь она видела сотни мужчин, и многих можно было назвать красивыми. Молодой? Тоже не редкость. Спокойный? А вот это да. Спокойствие среди всеобщей истерики выделяло его сильнее, чем любая внешность. Но было что-то еще. Какая-то внутренняя сила, уверенность, которая чувствовалась даже на расстоянии. И в то же время грусть. Настоящая, глубокая, не наигранная. Он потерял дом, возможно, семью, возможно, всё, но держался так, будто это не конец, а просто этап. Слишком хорошо держится, подумала София, слишком спокоен, слишком собран для человека, который только что выбрался из ада, это ненормально.

Она зевнула, потеряла глаза, ей было стыдно за свои подозрения. Люди по-разному переживают горе. Кто-то рыдает, кто-то впадает в ступор, а кто-то мобилизуется и становится спокойным, чтобы выжить, лишь механизм защиты. Она, как психолог, должна это знать. Но знание не отменяло ощущения. Завтра же проверю его по базам, решила она, если он действительно из Мариуполя, должны быть какие-то данные. Пропавшие без вести, списки эвакуированных, хоть что-то. Эта мысль успокоила ее. Она закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений.

Утром было хуже, чем вечером. Очередь на регистрацию выросла до небес, прибыли еще два автобуса, и София снова оказалась в аквариуме бывшего буфета, заполняя анкеты, выслушивая истории, успокаивая плачущих.

Она специально не искала его глазами, но краем глаза все равно замечала, мелькнет темно-синяя куртка в толпе, и сердце пропускает удар. К обеду она поняла, что так дальше нельзя. Нужно либо выкинуть его из головы, либо разобраться с этим наваждением. И когда Лена попросила разнести талоны на питание по комнатам, София вызвалась сама, хотя обычно это поручали другим. Она нашла его быстро. В комнате на втором этаже, рассчитанной на шестерых, но сейчас заселенной только наполовину. Он сидел на нижней койке у окна и читал книгу. Старую, потрепанную, похоже, из местной библиотечки, которую волонтеры собрали для приезжих.

– Сергей? – позвала она, останавливаясь в дверях.

Он поднял голову, и на лице мелькнула легкая улыбка.

– София, доброго Вам дня.

– Я с талонами. – Она протянула бумажки. – На завтрак, обед и ужин, не потеряйте.

– Спасибо. – Он взял талоны, мельком глянул и положил на тумбочку. – Присядете?

София колебалась секунду, но потом села на соседнюю койку, ближе к двери. Комната была тесной, пахло сыростью и чужими телами. Кто-то из соседей спал, закутавшись в одеяло с головой.

– Как вы? – спросила она официальным тоном. – Устроились?

– Нормально. – Он отложил книгу. – Место есть, кормят, не стреляют, что еще нужно?

– Вы правы. – Она помолчала, разглядывая книгу. – Что читаете?

– Есенина. – Он показал обложку. – Стихи, давно хотел перечитать, да все времени не было, а тут вдруг нашлось.

– Любите поэзию?

– Люблю. – Он посмотрел на нее внимательно. – А вы?

– Я? – София растерялась. – Ну, в школе Есенина читала, но давно уже не перечитывала.

– Зря. – Он улыбнулся шире. – Поэзия помогает, когда слова заканчиваются.

Она почувствовала, как щеки заливают краска. Глупо, по-девчоночьи, но ничего не могла с собой поделывать. Рядом с ним она чувствовала себя неопытной школьницей, хотя была старше, опытнее и вообще по образованию психолог.

– Сергей, я... – Она замялась, не зная, как спросить. – Я вчера отправила запросы по вашим документам. Если не трудно, вспомните еще что-нибудь. Может, адрес, где жили, может, место работы точное.

– Адрес: Мариуполь, проспект Metallургов, дом... – Он произнес это без запинки, четко, как по писаному. – Работал в транспортной компании «Азов-Транс» водителем, стаж десять лет. Женат не был, детей нет. Родители умерли. Больше никого нет.

– Хорошо, – сказала она, – Я проверю, если все совпадет, через пару недель получите временное удостоверение.

– Спасибо. – Он опять смотрел на нее в упор. – Вы добрая, София, очень добрая.

Она встала, чувствуя, что еще минута – и она скажет какую-нибудь глупость.

– Мне пора, отдыхайте, и, если что – обращайтесь.

Она вышла в коридор и прислонилась к стене, пытаясь унять сердцебиение. Что со мной? – думала она в панике. – Что за детский сад? Он беженец, он чужой, я ничего о нем не знаю, а веду себя как влюбленная дурочка!»

Но где-то в глубине души, там, где не работали доводы разума, уже зарождалось тепло. Тихое, робкое, но настойчивое. Тепло, которое обещало, что эта встреча неслучайность.

Через три дня ее приехал навестить знакомый по имени Руслан. Он появился в пункте временного размещения неожиданно, как всегда шумный, энергичный, в камуфляже, с тяжелой походкой человека, привыкшего командовать. Волонтеры шарахались от него, как от огня, а София, увидев в окно его машину, вздохнула с двойственным чувством. Руслан был ее другом. Старым, верным, надежным. Они знали друг друга уже давно, иногда вместе тусовались, вместе переживали личные драмы. После начала войны он ушел добровольцем, получил ранение, вернулся с медалью и осколком в бедре, который врачи так и не решились извлечь. Теперь работал «военкомом» и периодически заезжал проверять, как там его «маленькая Соня». Руслан был крупным мужчиной, под два метра ростом, с широкими, чуть сутулыми плечами, мощной грудной клеткой и тяжёлыми, налитыми силой руками. В нём чувствовалась особая порода людей – надёжных, основательных, не способных на предательство по определению. Лицо у него было грубовато-красивым, крупные черты, тяжёлая челюсть, нос с горбинкой, которая досталась ему ещё в детстве, в уличной драке. Кожа обветренная, чуть красноватая на скулах – след долгого пребывания на морозе и ветре. Но глаза были удивительно светлыми, прозрачно-голубые, с выгоревшими ресницами и бровями, и в этой светлоте было что-то почти детское, не соответствующее его суровой внешности. Глаза эти смотрели на мир жёстко, прямо, без страха и без попытки понравиться. Руслан не умел играть, и когда он смотрел на Софию, в этом взгляде не было ни игры, ни надежды, а только дружеская любовь, такая старая и привычная, что она стала частью его, как рука или нога. На правой щеке, от скулы к подбородку, тянулся тонкий белесый шрам. Волосы были светлыми, почти белыми, коротко стриженными, так удобнее, так привычнее, так требует армейская привычка. На висках пробивалась седина, которая добавляла солидности. Фигура была тяжёлой, под слоем одежды чувствовались мышцы, накачанные годами службы. Он двигался с особой медлительностью крупных мужчин, которые знают свою силу и не нуждаются в суете. Но когда нужно было, двигался быстро, резко, неожиданно для таких габаритов. Руслан прихрамывал, осколок в бедре давал о себе знать в сырую погоду и после долгой ходьбы. Он старался не показывать этого, но иногда, когда думал, что никто не видит, морщился от боли и переносил вес на здоровую ногу. Ладонь его была такой широкой, что, когда он брал Софию за руку, её кисть исчезала полностью, утопая в тепле и надёжности. Одевался Руслан всегда в одно и то же – камуфляжные

штаны, простая футболка или свитер, тяжёлые армейские ботинки. Даже в гражданской одежде он выглядел военным, выправка, посадка головы, манера смотреть прямо и жёстко выдавали в нём человека, привыкшего к дисциплине и порядку.

София подумала в этот день, в Руслане не было той опасной притягательности, которая была в Сергее. Не было загадки, не было игры, не было глубины, в которую хотелось падать бесконечно. Руслан был простым как камень, как дерево, как скала. Но в этой простоте была такая сила, такая надёжность, такая уверенность в завтрашнем дне, что рядом с ним хотелось просто жить, но не гореть.

– Привет, героиня, – Он обнял ее так, что хрустнули ребра. – Худая, бледная, не спишь, не ешь. Я же говорил, уезжай отсюда.

– Руслан, я работаю, – Она высвободилась из объятий. – И не кричи, здесь люди.

– Люди, – фыркнул он, оглядывая толпу в коридоре. – Беженцы, знаю я этих людей. Ты бы видела, что они там вытворяют, пока мы воюем.

– Руслан! – оборвала она резко. – Прекрати, они не виноваты.

– Ладно-ладно, – отмахнулся он. – Пойдем, посидим где-нибудь, расскажешь, как ты.

Они вышли во двор, сели на лавочку у покосившегося крыльца. Руслан закурил, щурясь на солнце.

– Слушай, – сказал он, выпуская дым. – Я тут узнал, у вас пополнение было, из Мариуполя много.

– Было и что?

– Да ничего. Только ты там смотри аккуратнее. Мало ли кто под видом беженцев едет. Всякое бывает. Ты же слышала новости, что сожгли пункт в Калиновке, там диверсантов так и не поймали.

София внутренне напряглась.

– О чем ты?

– О том, – он повернулся к ней, и взгляд у него стал серьезным. – Война, Соня. У них там диверсанты, разведка, агентура. Спят и видят, как бы нам навредить. А ты тут с ними в обнимку.

– Я не в обнимку, я работаю, и не смей подозревать всех подряд. Здесь люди, у которых дома разбомбили или сожгли.

– Люди, – хмыкнул Руслан. – Ладно, проехали. Пошли со мной, хоть поешь нормально. А то выглядишь как смерть.

Она согласилась, чтобы не спорить. Но весь оставшийся вечер думала о его словах. И о Сергее, о его спокойных глазах и слишком гладких ответах. А ночью ей приснился сон. Будто она идет по руинам Мариуполя, среди обгоревших стен и разбитой техники, и ищет кого-то. А вокруг тишина, мертвая, и только ветер шелестит обрывками бумаги. И вдруг из-за угла выходит Сергей. Он улыбается, протягивает руку и говорит: «Не бойся. Я здесь». Она делает шаг к нему, и в этот момент просыпается. Сердце колотится, простыня сбита, в горле пересохло.

– Что за черт? – шепчет София в темноту.

Ответа не было, только тихое дыхание Наташи и далекий шум поезда за окном. А за окном медленно занимался рассвет. Новый день в пункте временного размещения. Новые люди, новые анкеты. И где-то там, в комнате на втором этаже, спит человек с серыми глазами, который видит сны о Есенине и, кажется, знает о ней больше, чем она сама. София закрыла глаза и попыталась уснуть. Но перед внутренним взором все стояла его улыбка. Легкая, спокойная, чуть грустная. Улыбка человека, которому нечего терять. Или того, кто уже все потерял. Глава 2. Заботливый друг Глава 2. Заботливый друг

Глава 2. Заботливый друг

День начался с низкого неба. Серые тучи нависали над зданием бывшего ДК так низко, что, казалось, до них можно дотронуться рукой, если встать на крышу. Моросил мелкий, противный дождь, он не шумел, не барабанил, а тихо шелестел за окнами, создавая ощущение, будто кто-то невидимый постоянно перешептывается за спиной. София сидела в регистратуре уже четвертый час. Спина затекла, шея ныла от постоянного наклона над бумагами, а в глазах начало двоиться от бесконечных граф, фамилии, имени, отчества, года рождения, состава семьи. Она уже давно перестала замечать отдельные лица, только руки, протягивающие документы, только голоса, усталые или испуганные, только запахи сырой одежды, дешевого мыла, ввевшегося в вещи дыма. Запах дыма был самым тяжелым. От него не получалось избавиться никакой стиркой. София научилась различать оттенки: гарь от сгоревших домов пахла иначе, чем гарь от сгоревшей техники. В первом случае был привкус дерева и тряпок, во втором – горелой резины и масла. У большинства приехавших сейчас смешивалось и то, и другое.

– София, ты как? – Наташа возникла в дверях с охапкой одеял, из-под которой торчал только взлохмаченный рыжий хвост. – Держись?

– Держусь, – отозвалась София, не поднимая головы. – А что?

– Да так. – Наташа сгрузила одеяла на свободный стул и подошла ближе, вглядываясь в лицо подруги. – Ты зеленая вся, спала вообще?

– Все у меня хорошо.

– Врешь. – Наташа вздохнула и поправила сползающий с плеча Софии кардиган. Кардиган София носила его не снимая, в пункте было вечно холодно, отопление включали с переборами.

– Ладно, я на склад побежала. Там новые партии гуманитарки пришли, разбирать надо. Если что – зови.

– Иди, конечно, позову.

Дверь за Наташей захлопнулась, и София снова осталась одна с бумагами и дождем за окном. Она подвинула к себе очередную анкету и занесла ручку над графой «ФИО», как вдруг стеклянная дверь регистратуры распахнулась с таким грохотом, что она вздрогнула и выронила ручку.

На пороге стоял Руслан.

– Соня, это снова я, ты же скучала по мне?

София медленно отложила ручку, сняла очки и потерла переносицу. Пальцы дрожали от усталости, но она заставила себя улыбнуться.

– Ты чего опять без предупреждения?

– А что мне предупреждать? – Он шагнул внутрь регистратуры, сразу заполнив тесное пространство своими габаритами и запахом мужского одеколона, смешанным с табаком и сыростью.

– Я по делу. И заодно тебя проведать.

Он подошел к ее столу, бесцеремонно отодвинул стопку анкет и уселся на угол, тяжело вздохнув. София заметила, как он поморщился, перенося вес на правую ногу – старый осколок в бедре давал о себе знать в сырую погоду.

– Худая, – сказал он, оглядывая ее критическим взглядом. – Бледная, синяки под глазами, опять не спишь, не ешь. Уезжай отсюда, к чертовой матери уезжай.

– Руслан, мы это уже обсуждали, – устало ответила София, откидываясь на спинку стула. Стул жалобно скрипнул. – Я никуда не уеду.

– Упрямая, – констатировал он без осуждения. Скорее с какой-то привычной обреченностью. – Ладно, есть у вас тут где посидеть? Чтоб не в этой же камере.

– В волонтерской, на втором этаже.

– Пошли.

Он встал и, не дожидаясь ее, вышел в коридор. София вздохнула и поплелась следом. Коридоры пункта встретили их привычным гулом. Где-то плакал ребенок, где-то ссорились женщины, где-то старушка тонким голосом причитала над забытым в автобусе узелком. Из столовой тянуло переваренной кашей и хлоркой, там как раз мыли полы после завтрака. По стенам тянулись облупившиеся масляные пятна, на батареях сохли чьи-то носки, из-за дверей комнат доносились обрывки разговоров, украинская речь мешалась с русской, южный говор с северным. Руслан шел впереди тяжелой, чуть прихрамывающей походкой. Он не оглядывался по сторонам, но София знала, он видит всё. Каждую дверь, каждого человека, каждую мелочь. Так научила его война: сканировать пространство, искать угрозу, запоминать лица. На лестнице им встретился пожилой мужчина с замотанным горлом и палкой. Он посторонился, пропуская Руслана, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Руслан даже не взглянул на него, но София заметила, как напряглись его плечи на долю секунды. Волонтерская комната была такой же, как всегда: тесной, захлавленной и странно уютной. Старый диван с продавленными подушками, на котором кто-то уже оставил вязаный плед. Два разномастных стула. Стол, заваленный бумагами, пустыми кружками и пачками печенья. На подоконнике чахлый кактус в горшке, который Наташа поливала кипятком, отчего он чувствовал себя, кажется, еще хуже. За окном моросил дождь, и капли стекали по мутному стеклу мокрыми дорожками. Свет горел тусклый, энергосберегающий, от которого у Софии всегда болели глаза, но другого не было. Руслан плюхнулся на диван, вытянул ноги и закинул руку на спинку, освобождая место рядом. София сделала вид, что не заметила приглашения, и села на стул напротив, ближе к столу. Руслан нахмурился, но ничего не сказал.

– Чай будешь? – спросила она, чтобы прервать неловкую паузу.

– Наливай.

Она подошла к электрическому чайнику в углу, нажала кнопку. Чайник зашумел, забулькал, выпуская пар. На полке нашлись две чистые кружки, одна с отбитой ручкой, другая с трещиной по ободку. София выбрала ту, что с трещиной, себе, а Руслану дала целую, но с криво нарисованным котом. Руслан на кота даже не взглянул.

– Сахара сколько?

– Две ложки.

Она положила сахар, размешала, поставила кружку перед ним на стол. Руслан взял ее, согревая ладони, и посмотрел на Софию в упор. При тусклом свете его глаза казались пасмурным небом за окном.

– Садись,

Она села на стул, сложила руки на коленях. Руслан отхлебнул чай, поморщился, было слишком горячо и поставил кружку обратно.

– Рассказывай, – потребовал он. – Как ты тут? Кто обижает?

– Никто. Я же тебе говорила уже.

– Не ври. – Он наклонился вперед, и диван жалобно скрипнул под его весом. – У тебя на лице все написано. Устала как собака, дерганая, глаза бегают. Что случилось?

– Ничего не случилось. Просто работы много, Руслан. Ты же видишь, что тут творится. Люди едут и едут.

Он окинул взглядом комнату, словно пытаясь увидеть за этими стенами то, о чем она говорила. Потом снова посмотрел на нее.

– Люди, – повторил он с каким-то особенным выражением. – Знаю я этих людей.

– Что ты знаешь?

Он допил чай одним глотком, поставил кружку на стол и подался вперед, уперев локти в колени. Шрам на щеке побелел, верный признак того, что Руслан напряжен и сейчас скажет что-то важное.

– Соня, я не просто так приехал. – Голос его звучал тише, но жестче. – У меня данные есть, оперативные, только что с совещания.

София почувствовала, как внутри похолодело. Она уже догадывалась, что он скажет.

– За последний месяц задержали троих, – продолжал Руслан, глядя ей прямо в глаза. – Под видом беженцев шли, документы липовые, легенды красивые, а на деле разведка, диверсанты. Двое из них через такие же пункты прошли, как ваш. Гуманитарку ели и пили, документы получали и дальше. А мы потом локти кусаем, когда мосты взрывают. Мне тут на совещании про одну группу наших пожарных рассказали, они под Мариуполем бодались с диверсантами, которые вот такой же пункт сожгли, мужик там опытный из пожарных, Горельник прозвище, он и то не мог этих диверсантов всех поймать, а у него опыта было побольше, чем у всех тут вместе взятых.

Он замолчал, давая ей переварить информацию. София молчала, чувствуя, как слова врезаются в сознание тяжелыми, холодными каплями.

– Я к чему это, – Руслан понизил голос еще больше, так что пришлось напрягать слух, – ты тут с ними каждый день. С этими людьми, ты добрая, ты всем веришь, ты помогаешь, это хорошо. Но война идет, Соня, среди мирных могут быть волки в овечьей шкуре.

– Не все же они такие

– Дослушай. – Он поднял руку, останавливая ее. – Я не говорю, что все они враги. Не говорю. Но ты должна помнить, среди них может быть кто угодно. Мы не знаем, что у них в головах. И они сами иногда не знают, пока им задачу не поставят. А когда поставят, то поздно будет.

Он откинулся на спинку дивана и уставился в потолок, где желтело пятно от протечки. София смотрела на его профиль, тяжелый, резко очерченный, с этим шрамом, рассекающим щеку, и чувствовала, как внутри закипает глухое раздражение.

– Ты про всех так думаешь, – спросила она тихо.

Руслан повернул голову, и их взгляды встретились. В его глазах не было злости, только усталость.

– Про всех, кто оттуда, – сказал он просто. – Потому что я видел, как они наших убивали. Видел, как из этих, с виду мирных, получались хорошие стрелки. Видел, как бабушка с палочкой гранату в подвал кидала. Не делятся они на хороших и плохих, Соня. Там каждый потенциальная угроза, пока не докажет обратное.

– А как они докажут, если ты их сразу врагами считаешь?

Он усмехнулся, и усмешка вышла кривой, невеселой.

– Пусть живут тихо, не высовываются. Законы соблюдают и докажут временем, годами. А не слезливыми историями про разбомбленный дом.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только шипением дождя за окном и далекими звуками, шагами в коридоре, плачем ребенка где-то этажом ниже. София смотрела на свои руки, сложенные на коленях, и думала о том, что Руслан прав по-своему. И она права по-своему. И между этими правдами нет моста.

– Ладно, – сказала она наконец. – Я поняла, буду осторожна. Спасибо, что предупредил.

Руслан кивнул, принимая капитуляцию. Потом вдруг встал, подошел к ней и сел рядом. От него пахло табаком и мокрой тканью, и это был запах, который София знала давно, Руслан курил всегда, сколько она его помнила.

– Тяжело тебе тут, – сказал он уже другим тоном, мягче. – Я же вижу, темные круги под глазами, губы кусаешь, дергаешься вся. Ты бы хоть иногда отдыхала. Ко мне приезжай, шашлык сделаю, посидим, как раньше.

Он протянул руку и погладил ее по голове, тяжелой, широкой ладонью, от которой исходило сухое тепло. София закрыла глаза на секунду, позволяя себе расслабиться. Руслан умел быть нежным, когда хотел. И в этой нежности было что-то уютное, домашнее, напоминающее о той жизни, которая осталась до войны.

– Скоро приеду, – пообещала она. – Как разгребу дела.

– Врешь, – усмехнулся он. – Но ладно, буду ждать.

Он убрал руку, поднялся и направился к двери. В дверях остановился, обернулся.

– Кстати, как там твои новые, много прибыло?

– Много, – ответила София осторожно. – Из Мариуполя в основном.

Руслан замер на секунду, и лицо его стало жестче.

– Из Мариуполя, – повторил он задумчиво. – Тяжелый город, крепко там наши поработали. Много ненависти осталось. Смотри, чтобы эта ненависть сюда не перекинулась.

– Посмотрю, – пообещала она.

– Если что – сразу звони, я приеду, разберусь.

Он кивнул на прощание и вышел, плотно притворив за собой дверь. София услышала, как затихают в коридоре его тяжелые шаги, как хлопает входная дверь вниз, как заводится машина. Потом стало тихо. Она долго сидела неподвижно, глядя на кружку с недопитым чаем и на пятно от протечки на потолке. Мысли путались, цеплялись друг за друга, не складывались в связную картину. Руслан всегда умел посеять сомнение. Это была его сверхспособность, видеть опасность там, где другие видели обычную жизнь.

Но сегодня его слова задели что-то важное. Потому что действительно был человек, который не выходил у нее из головы. Человек со спокойной улыбкой, который называл себя Сергеем и утверждал, что потерял всё. София встряхнулась, встала и подошла к окну. Дождь все так же моросил, размазывая по стеклу серый свет. Во дворе было пусто, только чья-то одинокая фигура в темной куртке стояла под навесом у входа, глядя куда-то вдаль.

Сердце стукнуло сильнее, София узнала его даже со спины. Сергей стоял, засунув руки в карманы куртки, и смотрел на дорогу, уходящую за горизонт. Дождь попадал на его волосы, стекал по лицу, но он не пытался укрыться, не двигался, просто стоял и смотрел. В его позе было столько тоски и отрешенности, что у Софии защемило сердце. «О чем ты думаешь? – спросила она мысленно. – Что ты видишь там, за этой дорогой? Дом, которого больше нет? Людей, которых не вернуть?» Он вдруг повернул голову и посмотрел прямо на окно волонтерской. София замерла, не в силах отвести глаз. Даже на расстоянии она чувствовала этот взгляд, спокойный, внимательный, чуть грустный.

Сергей чуть наклонил голову, будто здороваясь, и улыбнулся. Едва заметно, одними уголками губ. Потом отвернулся и медленно пошел к входу, исчезая под козырьком крыльца. София перевела дыхание, она оказывается не дышала все это время. Ладони вспотели, сердце колотилось где-то в горле. Она отошла от окна и прислонилась спиной к холодной батарее.

День тянулся бесконечно. София заполняла анкеты, выдавала талоны, успокаивала плачущих, но мысли то и дело возвращались к двум мужчинам. Руслан, надежный, простой, свой. Сергей, загадочный, тихий, чужой. И между ними, она сама, разрывающаяся между доводами разума и зовом сердца. К вечеру дождь кончился, и тучи разошлись, открыв бледно-голубое небо с розовыми прожилками заката. София вышла на крыльцо подышать свежим воздухом, в регистратуре за день накопилась такая духота, что кружилась голова. Она села на лавочку, прикрыла глаза и подставила лицо последним лучам солнца. Было прохладно, но после дождя воздух пах озоном и мокрой листвой, и этот запах казался приятным после затхлости в пункте.

– Не помешаю?

Она открыла глаза. Рядом стоял Сергей. В руках он держал ту же потрепанную книгу, что и в прошлый раз, и смотрел на нее с привычной спокойной улыбкой.

– Нет, – ответила София, чувствуя, как сердце снова ускоряет бег. – Садитесь.

Он сел рядом, на безопасном расстоянии, положив книгу на колени. Некоторое время молчали, глядя на закат. Потом он спросил:

– Любите смотреть на небо?

– Раньше любила. – София пожала плечами. – Сейчас редко получается. Все время в помещении.

– А зря. – Он поднял голову, и солнечный свет скользнул по его лицу, делая черты мягче, и более красивыми. – Небо всегда разное, сегодня, например, оно прощает.

– Прощает? – удивилась она.

– Да, видите, как розовый смешивается с голубым? Это цвет прощения. Когда злость уходит и остается только грусть. И надежда, что завтра будет лучше.

София посмотрела на небо. Действительно, розовый и голубой перетекали друг в друга, создавая нежный, успокаивающий оттенок. Она никогда не думала о цветах так – как о чувствах.

– Вы точно поэт – спросила она, поворачиваясь к нему.

– Нет. – Он улыбнулся. – Просто много думаю. Когда теряешь все, начинаешь замечать мелочи. Они остаются единственным, что имеет значение.

– И что вы заметили?

Он помолчал, собираясь с мыслями. Потом сказал тихо:

– Что люди делятся не на своих и чужих. Не на русских и украинцев. А на тех, кто умеет любить, и тех, кто разучился, остальное – пыль.

София смотрела на его профиль, четкую линию скул, темные ресницы, легкую небри-тость, и чувствовала, как внутри тает последнее сопротивление. Он говорил просто, без пафоса, без попытки понравиться. И это подкупало больше всего.

– Сергей, – сказала она вдруг, сама не зная, зачем. – Я проверяла ваши данные.

Он повернул голову, и в его взгляде не было ни удивления, ни обиды. Только легкая грусть.

– Знаю, – ответил он просто. – И что, не нашли?

– Нет.

– Я так и думал. – Он вздохнул и снова уставился на небо. – Там много чего сгорело. Дома, документы, люди. Моя соседка, тетя Нина, сгорела в подвале, потому что не успела выйти. А документы ее, наверное, до сих пор где-то в базе числятся. Только тети Нины уже нет.

Голос его дрогнул на последней фразе. Всего на секунду, но София услышала. И почувствовала, как комок подкатывает к горлу.

– Извините, – сказала она тихо. – Но я должна была.

– Ничего. – Он посмотрел на нее, и в глазах его была такая тоска, что у Софии защемило сердце. – Вы делаете свою работу, я понимаю. И спасибо вам за нее, правда. Спасибо, что вы здесь, что помогаете, это много значит.

Он протянул руку и легко коснулся ее пальцев, лежащих на коленях. Всего на секунду, едва ощутимо. Но от этого прикосновения по ее коже побежали мурашки, а в груди разлилось тепло.

– Мне пора, – сказала София, вставая рывком. – Работа.

– До свидания, София, – ответил он тихо.

Она ушла, не оглядываясь. Но всю дорогу до входа чувствовала на спине его взгляд. Теплый, спокойный, чуть грустный. И внутри боролись два чувства: раздражение на себя и смутная тревога, которую не мог развеять ни один разговор. Ночью ей снова приснился сон: она стояла на краю огромного поля, усеянного воронками. Земля была черной, выжженной, и только кое-где торчали обгоревшие стволы деревьев, похожие на скелеты, а вокруг пахло гарью. Небо было низким, свинцовым, давящим на плечи так, что трудно дышать. Посреди этого ада стоял Сергей. На нем была та же темная куртка, но теперь она была в пыли и копоти,

а на лице – грязь и кровь. Он смотрел на нее и молчал. А за его спиной, метрах в ста, клубилась темная фигура, похожая на Руслана.

– Иди ко мне, – позвал Сергей. Голос его звучал тихо, но София слышала каждое слово, будто он стоял рядом.

Она сделала шаг и еще один. Но чем ближе подходила, тем дальше он отодвигался. Воронки становились глубже, черная земля зыбкой, ноги увязали в пепле.

– Стой! – закричал Руслан из-за спины. – Не ходи к нему, он чужой, он использует тебя.

– Не слушай, – отозвался Сергей, и в голосе его послышалась боль. – Я не чужой, я такой же, как вы, просто прибыл с другой стороны.

– С какой стороны? – крикнула София. – Откуда ты, Сергей?

Он покачал головой и вдруг начал отдаляться, таять, растворяться в сером воздухе.

– Не уходи! – закричала она и бросилась за ним.

Но земля ушла из-под ног, и она полетела в черноту, в пустоту, в никуда.

Проснувшись от собственного крика. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди. Простыня была мокрой от пота, волосы прилипли ко лбу, в горле пересохло. София села, обхватив колени руками, и долго сидела так, глядя в серый прямоугольник окна. За окном занимался рассвет, бледный, холодный, без розовых оттенков, о которых говорил Сергей. «Что со мной происходит? – думала она. – Почему мне снятся такие сны? И почему Руслан там был с автоматом, а Сергей в крови?»

За окном медленно светало, новый день в пункте временного размещения, новые люди, новые анкеты.

Глава 3. Случайная встреча

После разговора с Русланом прошло еще три дня. Три дня бесконечных анкет, очередей, детского плача и причитаний. Три дня, в течение которых София ловила себя на том, что ищет глазами темно-синюю куртку в коридорах. И находила каждый раз. Сергей словно чувствовал ее взгляд, оборачивался, улыбался легко и спокойно, и от этой улыбки у нее внутри разливалось глупое тепло, которое она тут же пыталась задавить работой. Но сегодня был выходной. Редкий день, когда София могла позволить себе не ехать на работу, выспаться, принять нормальный душ, а не обливаться из тазика в волонтерской, и просто побыть одной. Мама звонила с утра и просила приехать, но София отказалась, не было сил на мамины причитания и намеки, что «часики тикают, а ты все с этими беженцами возишься». Вместо этого она решила прогуляться по городу.

Город встретил ее серым, но сухим днем. Дождь кончился еще ночью, и теперь над улицами висела легкая дымка испарений, смешанная с выхлопными газами. София шла по проспекту, вдоль старых купеческих особняков, которые чудом уцелели в лихие девяностые и теперь гордо красовались отреставрированными фасадами. Она любила эту часть города – тихую, зеленую, с тенистыми аллеями и скамейками, на которых грелись на солнце коты. Она свернула к набережной. Река в этом месте делала плавный изгиб, и с высокого берега открывался приятный вид: спальные районы, уходящие к горизонту серыми многоэтажками, и природа. София любила приходить сюда, сидеть на парапете, смотреть на воду, думать о чем-то важном или, наоборот, ни о чем не думать. Сегодня набережная была почти пуста. Только редкие прохожие с собаками да молодые мамы с колясками неторопливо перемещались по дорожкам. София дошла до своего любимого места – гранитного выступа у старой ивы, ветви которой почти касались воды, и замерла. На выступе, спиной к ней, сидел человек. Темная куртка, короткая стрижка, знакомая линия плеч. Сердце начало бешено колотиться. София узнала бы его из тысячи. Но что он делал здесь, в пяти километрах от пункта, один, на набережной, в такой серый день? Она хотела развернуться и уйти. Не потому, что боялась его, а потому что не знала, как объяснить свое появление. Но ноги не слушались, и пока она стояла в нерешительности, Сергей обернулся, словно почувствовал ее взгляд. На секунду в его глазах мелькнуло удивление, потом он узнал ее, затем появилась легкая улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.